

нишає апетит, кал твердий, вкритий зверху слизом, настає обдимання черева, гарячка [Куд. – 39]. Запалення дихальних органів у тварин проявляється такими ознаками: *поява сухого, короткого та болісного кашлю, кашель нападає тоді, коли тварини їдять або п'ють, з носа течуть виділення, температура підвищується до 40-41°, слизові оболонки червоніють, а потім жовтіють, настає змертвіння і загоєння легенів* [Куд. – 41]. Ознаками нагнітів холки та спини у тварин є: *пошкодження шкіри, підшкірної тканини, м'язів і навіть кісток хребта та лопатки, поява болючого, твердого та гарячого опуху, болючість опуху дуже велика, з'являється гнояк* [Куд. – 45]. При опіках з'являються такі симптоми: *шкіра припухла та почервоніла, наявність пухирців з рідиною, шкіра стає гарячою і болісною* [Куд. – 47].

Окрему групу становить ветеринарна лексика на позначення приладів, інструментів та матеріалів, що використовуються для діагностики та лікування хворих тварин: *кружка Есмарха з двома наконечниками: клістирним та маточним, катетер молочний, термометр ветеринарний, піпетка очна, спринцівка, ступка з товкачиком, шприц, троакар з двома стилетами, ножниці Купера, нитки шовкові, копитний ніж двобічний та ін.* [Куд. – 60].

Численною є тематична група ветеринарної лексики на позначення лікарських форм, назв ліків та різних видів допомоги хворим тваринам: *глауберова сіль, креолін* [Куд. – 35], при обмороженнях тварин застосовують *суміш олій з содою, суміш вапняної води з олією* [Куд. – 48], засічки вінчика (хвороба копит) лікують *піоктаніном та йодом* [Куд. – 50], при гнитті стрілки копита застосовують *8-10% розчин синього каменю* [Куд. – 59], при проносах рекомендується *100-200 г глауберової солі на слизовому виварі* [Куд. – 38], при запорах у тварин застосовують *скипидар на половину з водою чи горілкою* [Куд. – 39], запалення дихальних органів лікують *карлебадською чи глауберовою сіллю*, а також застосовують *суміш скипидар пополам з водою* [Куд. – 42], захворювання від різних механічних пошкоджень лікують *2% карболовим розчином чи 3% креоліновим розчином* [Куд. – 43], при опіках використовують *вапняний лінімент (1 частина води і 1 частина будь-якої олії), місце опіку присипають содою або крохмалем* [Куд. – 47], при нагнітах холки та спини застосовують *руду глину з оцтом та холодною водою* [Куд. – 46].

Більша частина ветеринарної лексики, що виділена нами у названих джерелах, залишилась без змін і сьогодні вживається у спеціальній літературі: порошок [Мосп. – 25] і [РУСТВМ – 71], розчини [Мосп. – 24] і [РУСНТ – 447], настої [Мосп. – 25] і [РУСНТ – 308], відвари [Мосп. – 24] і [РУСНТ – 352], пари [Мосп. – 24] і [РУСНТ-360], йодоформ [Мосп. – 26] і [РУСНТ – 206], катетер [Мосп. – 39] і [РУСНТ – 218], проноси [Куд. – 34] і [РУСТВМ – 70], запори [Куд. – 39] і [РУСНТ – 31], опік [Куд. – 60] і [РУСНТ – 59], піпетка очна [Куд. – 60] і [ВХО – 394], спринцівка [Куд. – 60] і [ВХО – 394], засічки вінчика [Куд. – 50] і [ВХО – 422], гниття стрілки копита [Куд. – 150] і [ВХО – 432].

Але частина термінів зазнала деяких фонетико-морфологічних змін: *кольки* [Куд. – 36], а тепер термін фіксується як *коліки* [ВНСХТ – 194], *ножниці Купера* [Куд. – 60], а тепер *ножиці Купера* [ВХО – 163], *троакар* [Мосп. – 36] і *троакар* [РУСНТ – 559], *тепломір* [Мосп. – 28] і *термометр* [ВНСХТ – 26], *амоняк* [Мосп. – 24] і тепер *амоній* [РУСНТ – 38], *масті* [Мосп. – 25] і *мазі* [РУСНТ – 268], *сіра масть* [Мосп. – 27] і тепер *сірчана проста мазь* [РУСНТ – 268], *ляпис* [Мосп. – 27] і *ляпіс* [РУСНТ – 268], *гlaubерська сіль* [Мосп. – 27] і *глауберова сіль* [РУСНТ – 138].

Отже, у українській ветеринарній лексиці 20-30-х років 20 століття існували тематичні групи на позначення приладів, інструментів та матеріалів, лікарських форм, назв ліків та різних видів допомоги хворим тваринам, а також лексика, що подає ознаки або симптоми хвороб, діагнози у хворих тварин.

Джерела та література

1. Симоненко Л.О. Українська наукова термінологія: стан та перспективи розвитку // Українська термінологія і сучасність.-К., КНЕУ, 2001.С.3-8.
2. Моспанюк А. Чим і як лікувати господарські тварини в наглих випадках. – Львів: Сільський господар, 1932.- 44с.
3. Кудлай Д.Г. Колгоспникамі про першу допомогу хворим тваринам.- Харків: Державне сільськогосподарське видавництво УРСР, 1935.-62 с.
4. Ветеринарна хірургія і ортопедія/ Никаноров В.О., Кузнецов О.К. – К.: Урожай, 1967.-454 с.
5. Внутрішні незаразні хвороби сільськогосподарських тварин з основами діагностики. – К.: Вид-во сільськогосподарської літератури УРСР, 1960. – 459 с.
6. Російсько-український словник наукової термінології: Біологія. Хімія. Медицина. – К.: Наукова думка, 1996.- 660 с.

Зварич А.А.

ПРОСТОРЕЧНАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИРАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ XX ВЕКА МОХАММАДА АЛИ ДЖАМАЛЬ-ЗАДЕ

Язык как важнейшее средство человеческого общения неразрывно связан с социумом, его культурой и людьми, которые живут и трудятся в обществе, пользуясь языком широко и разнообразно. В слове люди запечатлевают все свои знания об окружающем мире, все связанные с реальной действительностью и каждодневными буднями думы и переживания, весь свой жизненный опыт. Другими словами, язык – это словно магическое средство выражения мысли, волшебник, умеющий создать и картинку, и музыку, и природу, и человека, и саму жизнь.

Употребляясь во всех сферах общения и для передачи информации самого различного содержания, язык обладает различными категориями, единицами, средствами. Это позволяет говорить о стилистической дифференциации языка. Большой языковой пласт представляет собой слова, лишённые стилистической окраски,

точнее не прикрепленные к определенному стилю речи, так называемая, нейтральная лексика [9, с.141]. В свою очередь, литературный язык строго нормирован и кодифицирован, действует как правильная норма данного языка. Ему противопоставлено просторечие, то есть слова, выделяющиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости и использующиеся для передачи экспрессии в литературных произведениях и разговорной речи [9; с.252]. Просторечие необходимо рассматривать как серьезное языковое явление, характеризующееся определенными фонетическими, морфологическими (различными формами словообразования и словоизменения) и семантическими чертами, а также наличием собственной фразеологии.

Долгое время писатели, литераторы и философы рассматривали разговорный язык (просторечие) как язык «второго сорта», или «базарный язык», и этим блокировали доступ в «высокую литературу», хотя в быту им пользовались как малограмотные, так и образованные слои общества.

Если до начала XX века просторечная лексика не допускалась в прессу, художественную литературу, то с 1906-1911 годов она хлынула мощным потоком в публицистику, драматургию и т.д. Этот процесс имел место быть в период так называемого «национального пробуждения» в рамках Конституционной иранской революции, чтобы сблизиться с народными массами, а также демократизировать публичный язык путем проникновения разговорных элементов в литературную традицию фарси [4, с.9]; [8, с.132].

Одним из первых, кто вывел просторечие в Иране из рамок «базарного языка» и широко использовал его в своих литературных произведениях, стал Сейд Мохаммад Али Джамаль-заде. Именно он открыл эру современной иранской новеллы, создал сатирический рассказ и прозу нового типа. Именно в его произведениях переплетаются юмор и сатира с горечью и жестокостью реальности, а язык красочен и полон фольклорных и народных выражений, сложных метафор, просторечных афоризмов. Поэтому творчество этого великого иранского писателя является кладом для изучения фразеологии и просторечных элементов персидского языка.

Так почему же именно Джамаль-заде первым решился излагать свои мысли и чувства понятным и доступным языком? По его собственным словам, писатель, берущий калям в руку, обращается лишь к образованной группе людей. Из-за излишней пафосности языка произведений и отчуждения литераторов от низших слоев населения, сами же иранцы не знали о социальном положении, нуждах и быте друг друга: сельского жителя и горожанина, бедняка и богача, курда и белуджа - необходимо было свести лицом к лицу с помощью социального рассказа нового типа [6, с.17]. Кроме того, иностранцы-востоковеды могли овладеть литературной формой персидского языка благодаря доступу к литературе на книжно-поэтической лексике и абсолютно не понимать разговорный фарси, так как не было в наличии ни одного источника по просторечной лексике [6, с.20].

Уже в первом своем сборнике рассказов «Были и небылицы» (1922 г.) писатель доказал бесподобность и уникальность разговорного персидского языка, показал, что многим просторечным словам и фразеологизмам не существует аналогов вообще. В конце сборника впервые приводится небольшой словарь разговорной лексики для лучшего и точного понимания некоторых реалий, ведь многие слова, употребляемые в одном районе, были неизвестны в других либо существовали только в устной форме [6, с.125]. Нельзя не согласиться с известным иранистом Л.С. Пейсиковым, охарактеризовавшим «Были и небылицы» как «первую серьезную заявку на необходимое и закономерное привлечение широких пластов просторечной лексики в язык художественной литературы» [8, с.133].

Проанализировав языковой, в частности фразеологический материал данного сборника, можно сделать следующие выводы. Уже в первых своих работах Джамаль-заде либерализирует и сглаживает неровности, шероховатости просторечия, вводит его в национальную литературу, тем самым показывая и знакомя с глубиной и образностью фразеологии и языковой традицией фарси. Он выступает и в роли реформатора литературного языка, делая его понятным каждому иранцу, вплетает в него целые нити просторечных элементов и фразеологических единиц (ФЕ).

В сборнике представлены все виды существующих фразеологизмов. На основе классификаций Г.С.Голевой и Ю.А.Рубинчика, приведенных в словарях данных авторов, можно классифицировать данный фразеологический материал следующим образом:

Многокомпонентные глагольные ФЕ, то есть фразеологизмы, состоящие из трех и более компонентов [2; с.5]: «совать нос в чьи-л. дела» **pā tu (dar) kafš kasi kardan**; «ни с того ни с сего пристать к кому-л.» **pāče-ye kasi rā gereftan**; «изматывать, доводить кого-л.» **pir-e kasi rā dar āvardan**; «подмазывать, улаживать кого-л.» **dam-e kasi rā didan**; «угодничать; подхалимничать» **sabzi (-ye kasi) pāk kardan**; «донимать кого-л.; цепляться» **be jān-e kasi oftādan**; «изводить до смерти, приносить кому-л. смерть» **sar-e kasi rā khordan**; «поджечь хвост, стусеваться» **māsthā kise kardan**; «объегоривать, заниматься надувательством» **hoqqe savār kardan**;

Двухкомпонентные глагольные ФЕ: «получать удовольствие, кайфовать» **keyfi bordan**; «нести чепуху» **ličār goftan**; «ворчать, брюзжать» **londkond kardan**; «взбесить, свести с ума» **hār kardan**; «развалиться, сидеть развалиясь в свободной, небрежной позе» **lam dādan**; «становиться популярным» **sekke kardan**; «трепаться, попусту болтать языком» **zabānderāzi kardan**; «улизнуть, скрыться, ускользнуть» **dak(k) šodan**;

Субстантивные ФЕ: «бедняжка, бедняга» **mādarmorde**; «простолюдин, деревенщина» **kolāhmemadi**; «лицемер, ханжа, двурушник» **jowforušegandomnemā**.

Адъективные и адвербиальные ФЕ: «грубый, неприличный (о слове)» **ābnakešide**; «прямо, откровенно» **pustkonde**; «заурядный, обычный, примелькавшийся» **pišepāoftāde**;

Джамаль-заде также использует так называемые **компаративные ФЕ**, которые наиболее характерны для персидского языка [8, с.6]. Например, «как белая ворона» **mesle gāve pišāniye sefid**; «как молния (о чем-

либо быстром, молниеносном) » **mesle barq**; « как соловей (о ком-либо, кто заливается соловьем, блистает красноречием) » **mesle bolbol**. Встречаются и словосочетания, образующие одну лексическую единицу с переносным, идиоматическим содержанием: «плебей, простолудин, человек из низов» (букв. грязный вор-ротник) **yakheye čerkin**; «драчун, задира» (букв. боевой петух) **khorse jangi**; «подлый, низкий презренный» (букв. не ведающий о Боге) **az khodā bikhobar**; «духи» (букв. те, кто лучше нас) **az mā behterān**.

В основном же Джамаль-заде использует **ФЕ-предложения**, которые могут относиться к разным лицам и числам, но глагол выражен застывшей (неизменяемой) формой 3-го лица единственного числа прошедшего или настояще-будущего времени изъявительного наклонения, например: «до меня не дошло» **sar-AM ne-mišod**; «он и в ус не дует» **kak-EŠ nemigozad**; «на меня не обратили ни малейшего внимания» **mahal-e sag be MA nagozašt**; «он стал толстокожим, неотзывчивым человеком» **šekam-EŠ sir šode**; «меня вывели» **tāqat-AM tāq nemud**; «он является влиятельным, богатым человеком» **lulehang-EŠ āb migirad**; «он как сыр в масле катается» **nān-EŠ tu(ye) rouqan ast**; «он замешан в темной истории; он занимается опасными делами» **sar-e U bu-ye qormeye sabzi midehad**; «он не держит язык за зубами» **ārvāre-yAT laq ast**; «до него дошло» **dastgir-EŠ šod**; «я едва не умер от страха» **zahre-AM āb šod**.

Кроме того, писатель использует весьма распространенные в фарси речевые формулы учтивости, признательности, заклинаний, проклятий, сожалений, порицаний, одобрений, советов, восклицаний-вопросов: «чтоб мне провалиться!» **khāk bar sar-am**; «а чтоб тебе!; будь ты неладен!; будь ты несчастен!» **khāk tu (be) sari (sar-et)**; «куда ты запропастился?» **be kodām gur-e siyāhi rafte-i**; «черт возьми!» **gur-e bābā i**; «чтоб ты сдох!» (borow) **kappe-ye marg begozār**. Речь героев изобилует и **пословицами, поговорками**: «от повторения слова «халва» во рту не становится сладко» (соотв. соловья баснями не кормят) **az halvā halvā goftan dahān širin nemišavad** «один в поле не воин» **yek dast sadā nadārad**; «это дело господина слона; это титанический труд» **kār-e hezrat-e fil ast**; «приятными речами можно и змею из норы выманить» **zabāni (khoš) mār rā mitavān az surākh birun kešid**; «у него за душой не было ни гроша» **āh nadāšt ke bā nāle sudā konad**.

Итак, такими фразеологическими разговорными единицами просто переполнены рассказы писателя, они точно описывают характер и поведение героя, его настроение и окружающую обстановку. Благодаря просторечной лексике и фразеологии, Джамаль-заде достигает необходимого эффекта, входит в контакт с читателем, точно и ярко передает свое настроение. Один из иранских ученых Саид Нафиси в защиту использования просторечной лексики в литературных произведениях отмечал, что писатель вполне может употреблять различные народные выражения, которые отсутствовали в стихотворениях таких поэтов как Фирдоуси, Саади и Хафиз лишь по той причине, что они не соответствовали данной тематике. «Они наверняка использовали бы эти слова, если бы это было им необходимо. Сейчас мы нуждаемся в употреблении новых слов, и ничто не должно препятствовать произносить их или писать» [8, с.134].

Именно благодаря образности и художественной выразительности просторечных и простонародных слов и выражений Джамаль-заде смог живо и ярко воссоздать особенности менталитета, передать картины и дух жизни Ирана. Это является показателем и того, что писатель идейно близок и сострадает своему народу, в отличии от других представителей привилегированных масс не считает язык простого люда грубым либо вульгарным.

И, действительно, Джамаль-заде сделал бесценный вклад в персидскую прозу, которая не может не заинтересовать востоковедов. Исследуя его произведения можно пронаблюдать некоторые тенденции в использовании просторечия и его элементов.

Прежде всего, стоит отметить, что рассказы писателя написаны фонетически правильным литературным языком, то есть фонетические отклонения фактически отсутствуют. Лишь изредка встречаются просторечные варианты фонетического оформления слов: «другой, иной, будущий и т.п.» **diqe** вместо литературного **digar**.

Что касается морфологии, Джамаль-заде использует и разговорные словообразовательные модели, и в различных функциях местоименную энклитику, но в то же время употребляет форму настоящего-будущего времени глагола «быть, находиться, существовать» **budan**, например, «я есть» **mibāšam**, что совсем не характерно для просторечия.

Однако, при более детальном рассмотрении класса имен существительных в произведениях писателя видно, что многие из них представляют собой, выделенные в Грамматике Ю.А.Рубинчика как аллитерирующие или рифмующиеся сочетания, - копулятивы (сложные имена сочинительного типа). Аналогичным способом возможно и образование имен прилагательных и даже наречий [10; с.160]. Например: «скиталец; бездомный, беспризорный человек» **ālākhunvālākhun**; «барахло, мелкие вещицки, безделушки» **khertopert**; «вздор, чепуха, ерунда, абсурд; абсурдный, нелепый» **čarandoparand**; «упрямство; назойливость; надоедание» **šilevopile**; «разболтанность, шаткость; разболтанный, шаткий, болтающийся» **taqolaq**; «стон, рыдание, вопль» **jelezovelez**; «крик, шум» **jirovir**; «визг, крик, шум, ссора, перепалка» **jiqoviq (jiqviq)**; «болтовня, вздор; суесловие» **šerover(r)**; «обман, хитрость, трюк; каверзы, увертки» **šilevopile**; «кокетство, жеманство» **qerofar**; «сильно изумленный, остолбеневший, обалдевший» **hājovāj**; «сердито, резко» **akhmo-talkhm**.

Для придания речи своих героев еще большей яркости и выразительности Джамаль-заде также использует и междометия, чаще всего это восклицания, воззвания к Аллаху: «О Боже!» **khodāyā**; «Слава тебе, Господи! Сто, тысячу раз слава тебе, Боже!» **khodāyā alhamdolellah sad o hezār martabe alhamdolellah**; «браво! превосходно! отлично, замечательно!» **māšā allāh māšā allāh**; «Прости, о Боже! Господи помилуй, Боже упаси; не дай Бог; не приведи Господь!» **khodā astaqrerollah**; «упаси Бог, Боже сохрани!» **alayazobel-lah**; «браво!, прекрасно!, молодец!» **marhabā**.

Одним из наиболее видимых отклонений от литературной нормы на синтаксическом уровне можно считать замену местоимения первого лица единственного числа «я» **man** на первое лицо множественного числа

«мы» **mā**. Такое явление имеет место быть почти во всех рассказах Джамаль-заде, особенно если они ведутся от первого лица, например, «Сладкозвучный фарси», «Политик», «Чудеса в решете».

Также наблюдаются формулировки, распространенные только в разговорном языке: «по имени Хасан» **hasaninām** вместо литературного **be nām-e hasan** либо же, характерное для простонародья, выражение «мать Хасани» **mādar-e hasani**, так часто называют жену по имени сына. При счете людей писатель смело применяет недопустимый в книжном языке нумератив **ra`s** «голова» для счета скота: «десять носильщиков» **dah ra`s hammāl**. В плане просторечной фразеологии наиболее употребимыми являются глагольные ФЕ как многокомпонентные, так и двухкомпонентные.

В сборнике «Были и небылицы» просторечные элементы находят свою реализацию в основном в словах автора, когда повествование ведется от первого лица, часто в языке героев произведения, реже непосредственно в словах самого Джамаль-заде. Они не стоят особняком, а умело вплетаются в общий контекст, задерживают внимание читателя в тех местах, которые хотел выделить писатель. Слова, льющиеся из уст героев Джамаль-заде, дополняют художественные образы, разоблачают их, иногда заставляют читателя не просто смеяться, а даже хохотать. Такой эффект является показателем уникального мастерства и таланта писателя, в то время как сам Джамаль-заде за всю свою долгую жизнь полностью провел всего пятнадцать лет в Иране.

Подытожив, необходимо отметить, что если с точки зрения фонетики в произведениях писателя нет каких-либо отклонений от литературной нормы, то уже на морфологическом и синтаксическом уровне используются некоторые разговорные элементы, а в лексическом аспекте просторечия и фразеологические единицы преобладают над словами нейтрального и книжного стиля.

Таким образом, как думается, Джамаль-заде создал свой неповторимый стиль в виде синтеза разговорных и литературных элементов на разных уровнях, включающий весомый (огромный) пласт фразеологии.

Похоже, что писатель стремился передать и укоренить это народное наследие среди самих же иранцев, сделать его доступным и для иностранцев. В своих рассказах Джамаль-заде показал, что просторечная лексика и фразеология должны стать сокровищницей, от которой как персы, так и иранисты, востоковеды не должны оторваться, а использовать для более глубокого познания иранской культуры.

Источники и литература

1. Быстрова Е.А. и др. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся нач. школ. – Л.: Просвещение, 1984.–271с.
2. Голева Г.С. Фарси-русский фразеологический словарь. – М.: Грааль, 2000.– 648 с.
3. Джамаль-заде. Всякая всячина: сатирические и юмористические рассказы. Пер. с перс. – М.: Худож. Лит., 1967. – 303с.
4. Персидско-русский словарь в 2-х томах. Свыше 60 000 слов./ Под ред. Ю.А.Рубинчика. С приложением грамматического очерка персидского языка. – Т.-I.- М.: Советская энциклопедия, 1970. – 784 с.
5. Персидско-русский словарь в 2-х томах. Свыше 60 000 слов./ Под ред. Ю.А.Рубинчика. С приложением грамматического очерка персидского языка. – Т.-II.- М.: Советская энциклопедия, 1970. - 848с.
6. ۳۷۹، یکی بود و یکی نبود/ نوشته مهرداد علی جما لزا ده؛ به کوشش علی د هیا شی- تهران: سخن، ۱۳۷۶-۱۳۷۰ جما لزا ده، مهرداد علی ،
7. Дорри Дж. Связь современной персидской прозы с литературой Запада// Иран сегодня. – 2004. – №2(4). – С. 26-27.
8. Пейсигов Л.С. Лексикология современного персидского языка. – М.: Издательство МГУ, 1975. – 207с.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.Н. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. – М.:, 1985. – 399 с.
10. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Восточная литература, РАН, 2001. – 600 с.
11. Слинкин М.М. Очерк истории персидской литературы. Учебное пособие. – Симферополь: Издательство ТЭИ, 1999. - 230с.
12. ۱۳۷۹جوبیارلحظه ها ، اد بیات معا صر فا رسی (نظم و نثر) از د کتر محمد جعفر یا حق ، تهران ، سال

Норець Т.М.

ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛІНГВІСТИЧНОГО АСПЕКТУ ВАРІАЦІОНАЛЬНОСТІ НА ФОНЕТИЧНОМУ РІВНІ МОВИ

Комунікативний підхід у вивченні мовних явищ, який передбачає розробку теорій вивчення мови як засобу комунікації є одним із актуальних аспектів мовознавства. Він передбачає вивчення мови в соціальному контексті, а не як суто формальної системи поза умовами її реального функціонування.

Перенесення акценту на соціальність мови вимагає по-новому розглянути цілий ряд факторів, інтерпретація яких можлива тільки при урахуванні поза лінгвістичних умов здійснення комунікації. В цьому зв'язку особливе місце в розробці багатьох проблем мовознавства посідають дослідження соціально-стилістичного плану, т. я. «ні одне нове явище (фонетичне, лексичне, грамагічне) не може ввійти в систему мови, не пройшовши довгого і складного шляху жанрово-стилістичного випробовування і обробки» [1, 243]. Соціолінгвістичний аспект дослідження варіативності передбачає встановлення залежності особливостей мови від різних соціальних характеристик мовців(стать, вік, рівень освіти, професійна приналеж-